

18+

Максим Фарбер

Зарина

Рассказ

Максим Фарбер Зарина

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=66744338

SelfPub; 2021

Аннотация

Нетрадиционный взгляд на поэму А.С. Пушкина "Бахчисарайский фонтан". Что, если коварная на первый взгляд Зарема – не злодейка, а жертва?

Максим Фарбер

Зарина

Меня зовут Зара. Мне двенадцать лет, у меня есть брат и сестра – они совсем ещё маленькие. Я люблю, когда солнце опускается за горизонт, втихомолку смыться с вечерней молитвы и бежать на крепостную стену. Заберусь, бывало, в нишу. Пятки поставлю на тёплый камень – и блаженствую... Можно так сидеть до глубокой ночи: в Бахчисарае дневная жара уходит медленно.

Наш учитель, хаджа Ахмет, как-то пошутил – дескать, ханский дворец вовсе и не дворец. Это большой змей, которого старик Хызр пленил и мудрым словом заставил замереть на месте. Превратил в камень, ежели по-простому. (Я, конечно, не поверила. Про себя посмеялась – но виду не подала; изображала, что слушаю с интересом). А потом Ахмет, понизив голос, добавил: «Будь готова, девочка – скоро тебя призовут этому дракону служить...»

Что он имел в виду, я не знаю. И не хочу знать, если честно. Какие-то тёмные дела, взрослые хитрости. Ну их.

Мне тринадцать. Я лежу на топчане, под рогожкой. На-

ша хижина – у самого моря, её со всех четырёх сторон продувает ветер. Большой паук сидит на стене. Скребёт ножками: вжик-вжик-вжик. Я боюсь его, так что прикрыла глаза. Но сон не идёт.

В соседней комнате кто-то с кем-то говорит; оба шепчутся тихо, должно быть, чтоб я не слышала. Правда, одного из говорящих я все-таки узнала: это Ахмет. Второй... не помню. Знаю, но не помню. Трудно догадаться, когда он так понизил голос.

– Они заберут её. Все равно заберут, понимаешь, хаджа? Вот за Али с Айшой можно не беспокоиться – глупые дети, талантов им от природы не досталось, и хану незачем их тревожить! А Зарина... Зарина – девочка одарённая; чувствительная к тому же. Я уверен, ее возьмут туда служить. Неважно, может она услышать или нет.

– «Девочка, которая слышит Большого Змея», – Ахмет вздыхает. – Кто-то мне такое рассказывал. Или я в ваших мудрых книгах читал...

– В наших книгах, – бурчит другой, – ничего такого не написано. Но вот вчера, на молитве, я помню...

«Ой, так это же мулла», – догадываюсь я. – «Это Аб-

дул-Хасан из нашей мечети!»

Какое-то время они еще беседуют; но слушать про вчерашний вечер скучно, и я потихоньку засыпаю.

В голову лезут про Большого Змея. Упорно. Я их гоню, а они все равно лезут. Страшный ли ты, Змеище?.. Голодный, наверно?

Скоро, скоро за мной придут Рашидовы слуги. Заберут во дворец – служить Ему. Незавидная доля, ну да что ж делать...

Мне девятнадцать. Я во дворце. Хан временами зовёт меня к себе, но совсем не для того, о чём думают другие жёны. Он знает – у меня особый дар: я слышу. Для обычных людей Дракон мёртв, для меня – нет. Аллах отомстил мне за невнимание к словам учителя, я оказалась отмечена дланью Небес.

Иногда (но только тс-с, друзья мои! Никому ни слова...) я отваживаюсь нарушить запрет, про который сказано в Коране. Рисую. Почему-то дракон представляется мне совсем не чудовищем, а красивым молодым парнем. Я рисую его в просторных синих одеждах, с русыми волосами, на та-

кой же синей траве (иногда – лиловой. Знаю, трава не может быть лиловой – но мне всё равно). Босым. Наверно, он джяур; подчас я думаю, что за это Хызр и околдовал дракона. Верил бы тот в Аллаха – так сам бы попросился к нашим ханам на службу. Таскал бы камни, помогал строить порт... Да мало ли!

Правда, потом я все эти рисунки сжигаю. Только моя невольница, чернокожая Саида, знает о тайном пороке, коему я подвержена. Но Саида никогда никому не расскажет... надеюсь. Иначе – несдобровать мне, могу и поплатиться головой.

Недавно к хану привели новую рабыню. Она откуда-то с севера; крепкая баба, с головы до ног в волчьих шкурах. Кажется, сарматка. Хан хорошо относится к ней, потому что она – молчунья. Не в натуре Рашида любить тех, кто может возразить на любые его слова...

А, да: брата и сестру я давно не видела. Очень давно. Уже почти забыла, что они где-то есть. (Но хаджу Ахмета, как ни странно, и посейчас помню...)

Как вы там – Айша, Али? Вспоминаете меня хоть иногда?..

Мне двадцать два. Я во дворце... и, похоже, хан о моём существовании упорно не хочет думать. Северянка Мара – вот кто нужен ему. Не знаю, что за прелесть он находит в её обществе, но это так: Рашид часами коротает время, ту-по уставясь на грузное волосатое тело. Мара молчит; Рашид тоже ни слова не проронит, – и оба довольны, как... как я не знаю, кто. Со мною он, по крайней мере, разговаривал. Мало, вяло, но тем не менее.

Саида сказала однажды:

– Он ещё не стал человеком... но уже перестаёт быть скотиной. В нём проснулся интерес к жизни! Теперь ему хоть что-то нужно.

Не знаю, может, это и так. Однако я тоскую по тому хану, которого знала раньше. По великолепной, царственной мрази (если такое сочетание слов вам что-то говорит).

Блуждая в недрах змеиного тела, я иногда вижу невольников. Как и я, они бродят по кишкам Чудовища без особой цели. Среди невольников есть косматые северяне; если я правильно поняла, они тоже эту Мару ненавидят. То ли сарматка была у них княгиней, а они на неё день и ночь пахали, как тягловый скот. То ли... то ли они её бывшие лю-

бовники, и толстуха «сдала» их новому своему другу. Во всяком случае, северяне улыбаются мне, когда видят. У них хмурые улыбки, но я всё равно благодарна.

Одного из невольников зовут Н'дар.

Он мне очень симпатичен этот, невольник. В последнее время мы часто бываем вместе. Он говорит о сарматах и дальней Сибири, я ему – о наших обычаях. Потом он поёт, музицируя на арфе, как я хороша. И добавляет: «Ты лучше Анны, которой я "Чудные миги" посвятил!» Мы оба расстроганы, умилены и готовы уже облобызаться... А потом он скидывает волчью шкуру, и начинается самое главное. После – меня одолевает сон.

Но Рашид, которому я регулярно изменяю, не является ко мне даже во снах. Лишь наяву, и то нечасто, преследуют меня укоры совести, что виновата перед ним. А в грёзах... В грёзах-то я совершенно свободна! И слава Господу.

Небо над Бахчисараем весь день плачет. Тучи – несмотря на жару – висят почти над землёй. Но под вечер, говорит Саида, прояснится... И я пойду к своему Меджнуну.

На крепостной стене хорошо. Темно, тепло – всё как в давнюю пору моего детства. Мы с северянином сидим, обняв руками колени; я млею, отрешившись от неприятных мыслей. Он поёт какую-то заунывную песню на сарматском. Когда я прошу перевести, Н'дар говорит, что это – песня его няньки, старой Ромны. Про то, как женщины поутру идут к роднику за водой. (Ну, то есть, он говорит не «к роднику», как-то иначе. Но понятно).

А потом снова поёт. Я уже научилась кое-что разбирать по-сарматски – скажем, «буря», «мглою» и «небо». Хотя, конечно, всерьёз ничего уразуметь не могу. Но общение с этим парнем отлично вправляет мозги: до меня, пусть и не вдруг, дошло, что северяне – совсем не грубые дикари. Они такие же люди, как... как я. Как Саида. Или мой бедный хан.

– Среди нас, – говорит он между делом, – есть... как вы это называете? Меджнуни! Поэты, совсем обезумевшие от песен своих. Я, например, как раз таким безумцем у себя в посёлке слыл. Хочешь, могу и об этом спеть.

«Ага! То есть не зря я его так прозвала!» Вдвоём на стене, сидеть и рассуждать про высокие материи (например, творчество), – хо-хо, так здорово мне ещё никогда не было! Если бы не тот неприятный сюрприз, что я должна ему поведать...

– Н'дар, знаю, тебе будет грустно узнать об этом; однако ж – свершилось! В кои-то веки хан зовёт меня к себе.

– Чтобы... чтобы...? – голос его дрогнул. – Или я не так понимаю?

– Не так, – я с трудом удерживаюсь от усмешки. – Для этого он меня вызывал лишь один раз за все три года. Я нужна ему, дабы поговорить о Синем Джяуре.

– А-а, – северянин пожирает меня глазами, как я когда-то – нашего хаджу. – Ну конечно. Дракон! Про которого ты мне... И как, получилось? Вы с ним... того... сумели связаться?

– «Того, не того», – я смеюсь. – Нет, дорогой мой. Большой Змей как молчал, так по сей день и молчит. Но я тешу себя мыслями – льстивыми, хоть и зряшными, наверно! – что, бродя босиком по его чреву, я доставляю Змею удовольствие.

– Ты не можешь знать точно...

– Не могу. – Тут я на миг умолкла; Н'дар был чертовски прав... – Вот потому-то хан меня и зовёт. Мы снова будем

пробовать! Понимаешь, друг, – всё-таки будем!

– Ах, Зарина. Что я сказать... скажу тебе? Рад. Очень рад. – Поэт придвинулся чуть поближе; опустил мне руку на плечо. Крепко стиснул: – Ты мой один... единственный друг в этой крепости. Если тебе хорошо – то и мне.

Я почувствовала, что ещё немного – и зареву во весь голос: «Н'дар, не на-адо! Не рви мне сердце!» Только сейчас поняла, что этот парень для меня значит... Аллах! Я не хочу терять своего нового друга...

Но ведь я и хана не хочу терять. А если останусь с певцом, и буду весь век слушать песни его старой няньки – конечно, обрету большое наслаждение... может быть, даже счастье... Но к Рашиду больше не вернусь; дракона не разбуду. Цель моей жизни будет... того. В смысле, не этого. Стоит ли оно такой цены – счастье, данное отказом от самой себя?

– Удачи, милая! – страстно рыкнул Н'дар. Обнял меня; со всей своей сарматской дури приложился губами к щеке... Кажется, я и правда ревела.

– Иди.

Я высвободилась из его объятий; спешно кинулась

прочь – во тьму.

Пока добежала до своей ложницы, мне всё мерещился тот, прежний знакомец: русокудрый, в синих шальварах, среди тёмно-фиоловых цветов... «Ты здесь, с нами, ведь правда?» – напористо вопрошала я. – «Ты никуда и не уходи!» Глаза Змея жарко блестели; он не сказал ни слова, но я приняла этот взгляд за согласие.

Саида отвлекла меня от грёз наяву. Раздела, закутала в халат; накормила липкою и тошной пахлавою... Потом я легла спать, и мне приснился Н'дар. Почему – а Эблис его знает... Вроде я о нём уже меньше думала в тот день.

Я видела странный сон. Снега Сибири; посёлок, где косматые мужчины валят лес, а потом всю орудуют зубастыми кремневыми пилами. Там же была и я сама. Стояла по щиколотку в грязном снегу; Н'дар читал мне стихи (верней, рычал. На северном своём диалекте. А я всё равно понимала. Сон ведь!)

– Как я завидовал волнам, – говорил он, –

Бегущим бурной чередою

С любовью лечь к её ногам!

– Волнам?.. – я снова расхохоталась. – Что ты, парень!
Нету здесь никаких волн. Грязь одна.

– Ну так, лапушка, – молвил он, – на то я и песнопевец, чтобы... э-э-э... приврать немного. Там, где сюжет позволя-ет! «Тьмы низких истин мне дороже», ну и всё такое.

О чём это Н'дар, я не сообразила. Но на всякий случай ослабилась – мол, мне приятна его лесть.

– Мне тоже приятно... что ты рада, – сказал он. – Я ведь тебя, Зара, искренно и нежно люблю...

Потом добавил:

– Как друга.

(«А не врёт ли?» – задумалась я. Но было уже поздно рассуждать о любви северянина. Я отдана другому – Рашиду. И буду верна лишь ему...)

Кажется, там, во сне, мы с поэтом даже целовались. Недолго, правда. А после того простились – тепло, сердечно, хоть и ревела я, как ханской жене со-овсем не подобает.

Еще одно видение, которому не дано сбыться.

– Знаю, – Рашид смотрел на меня как бы вскользь, не обращая внимания, как я глупо лыбилась, узрев его. Лицоладыки было столь же каменным, как и статуя, на постаменте которой он сидел. В этой статуе я опознала Синего Джяура. Должно быть, ее делали не наши. Не правоверные... но хан, по каким-то своим причинам, решил статую не сносить.

– Знаю, – сказал Рашид, – ты по мне стосковалась. И надеешься, что мы продолжим наши опыты... по пробуждению Чудища. Однако, Зарина, ты должна понимать...

Он долго говорил, а я не вполне улавливала суть его рассуждений. Что-то насчёт недопустимости оживления Великого Змея, потому что его тело – это ханский дворец, и, если он вдруг начнёт двигаться... а то и – не приведи Аллах – взлетит... «Ты представляешь, красавица, что за суматоха в народе будет?!» Я представляла. Но также прекрасно помнила – мы всё это уже много раз обсуждали; Рашид был согласен пойти даже на такой риск.

– В общем, будь довольна тем, что имеешь – у тебя есть тёплая ложня, преданная рабыня-негритьянка, ты пользуешь-

ся привилегиями ханской супруги... Ну (кхе-кхе) одной из супругов. Не надо, дражайшая моя Зарина, рассчитывать на большее. У меня есть княгиня Мара; мне с ней – вполне, так что... я вряд ли отныне захочу твоей помощи.

– Ты позвал меня, чтобы сообщить: больше никогда не позовёшь? – мне было плохо; очень плохо. Ради этого человека я отказалась от дружбы бедного Н'дара. Ради великолепно-го царственного мерзавца, подобных которому в целом мире нет... А он со мной – вон как.

Тем не менее, хоть мне и было плохо, я понимала, что вот-вот громко захохочу. До того всё это отдавало уличной клоунадой. Шутовством, «скоморошиной»...

Рашид, наверно, тоже почувствовал, что в его речах есть фальшь. Он скорчил жуткую рожу («Нет, ну до чего потешен!..») – и молвил:

– А будешь противиться... или на княгиню как-нибудь ко-со взглянешь... велю евнохам тебя бросить в пучину вод. Так что подумай; трижды подумай, чтоб не было чего ненароком.

И отпустил меня.

Я пошла по галереям дворца. Нет, я не плакала. Сил, на-

верно, уже не осталось – плакать.

В подземелья, всё вперед и вперед. Парчовые туфельки оскальзываются на грязном камне, но я не замечаю. Назад, к моей служанке-негритянке. Она сейчас единственная, кто вообще может принять меня. Даже провинившуюся перед Рашидом, заблудшую... Как есть!

– Нет, не только она. Ты ошибаешься, Зара.

Из-за темной кривой колонны вышел мужчина в синем. Он улыбался: ласково, даже приторно; меня, по чести молвить, от его улыбки затошнило. Глядя на Джяура, я удивлялась: как могла – правда, давно, не сейчас – считать, что это он – Дракон? Вот же, вот – два крыла за спиной. Нежные, белые; ангельские.

«Доверчивая дурочка! Ну, расхлебывай теперь...»

– Ты ведь не ангел, – со злостью сказала я. – Но был им! Отец греха, вот ты кто. Враг лукавый.

Эблис-Противоречащий улыбнулся.

– Да не враг я тебе, – у Беса был низкий, приятный го-

лос. Куда более мужественный, чем о том говорила его внешность. – Напротив, помочь хочу.

– Нужна мне твоя помощь, – я обречённо махнула рукой. – Теперь ведь ничего не исправишь. Так и буду жить... слыша голоса.

– То-то и оно. Послушай: из сотни ревнивых Зарем, – сказал он (и голос его был нежен, сладок, как шербет), – нет, из тысячи... я выбрал тебя. Простушку. Не испорченную дворцовой роскошью. Ты к людям со всей душой; они же... Ну, сама понимаешь! Мы отомстим. Клянусь, родная моя, – хан и его подруга жестоко запла...

– Стой, стой, подожди. Как ты меня назвал?

... (честно сказать, пребываю словно в каком-то ступоре. Так трудно принять все новые истины, свалившиеся на меня в этот день...)

Тёмная сторона души моей наконец-то очнулась от долгого бездействия и дремоты. Я чувствую обиду – за себя, за Большого Змея, оставшегося бесхозным и беспризорным. Мне глубоко ненавистен Рашид; в мозгу клокочет ярость.

«Ведь я ж... Кинжалом я владею,

Я близ Кавказа рождена!»

Кажется, это проснулась Зарема. Та самая, которую призывал Бес.

«И правда, пусть лучше я буду Заремой. От прежнего имени – милого, нежного и доброго – меня тошнит. Хочу стать жестокой. Колючей и кусачей; неприступной, клянусь Аллахом!

А ты, Рашид, и все твои жены (сарматка – тоже), ничего не заслуживаете, кроме смерти.

....разбудить Змея, сделать так, чтобы ханский дворец ожил, и заставить его проглотить Рашида с потрохами (а потом – переварить без остатка).

Это ужасно», – сказала я себе.

«Можно и так считать... А можно – наоборот: это прекрасно. Сама ведь понимаешь, а?»

Да, я понимала. Очень хорошо. Если гигантская Тварь оживёт, сколько зла можно будет натворить! Сколько крови

прольётся – и невинной, и грешной!

Раньше бы это меня остановило. Теперь же – скажу так: чуток перевозданной дикости, не скованного ничем Змеино-го гнева – отнюдь не помешало бы нынешнему, насквозь прогнившему обще...

В моём уме возникали картины, одна другой краше: вот огромный Дракон, восстав ото сна, ползёт и топчет ханских стражников в кровавую кашу. Вот Рашид убегает от Дракона, но я, – я, не кто иной! – с кинжалом в руке встаю на его пути. Вот злая, глупая Мара, которую бьет по лицу мой друг – Бес; княгиня валится наземь, и тяжелый каменный коготь пригвозждает ее к земле...

– То будет наша победа. Наша с тобой!

– Ну, предположим, – скрепя сердце согласилась я. – А после – что?

– А после – новый мир, – молвил Бес. – Где мы, и Дракон, и больше никого. Как в твоих снах. Подумай: хана не будет! Не будет его противных жен... Не будет толсторожей Мары. Ты в полной мере ощутишь свободу, которой так долго была лишена.

Женщина в суконной куртке и штанах, подвернутых чуть выше колена, протягивает мне руку. Мы – на спине громадной черной птицы. Блондинка обнимает меня; смеётся. Хлопает по плечу.

«Теперь ты наша».

Птица кружит над Бахчисараем, лежащим в руинах. Я слышу громкий клёкот, доносящийся из её зоба: «Молодец, стар-рушка, не подкачала». О ком это – обо мне или той женщине, я понять не в силах. Но как бы там ни было, приятно вот так лететь и глядеть на старый мир, умирающий в муках.

Мы с Бесом – вдвоём, на лугу. В сиреневой траве (и не напоминайте, мол, «не бывает такого». В этой жизни всё, как Джяур захочет!)

Я провожу подошвой туфли по его голой лодыжке; он сладостно усмехается сквозь сон... Где-то вдали – лес; над вершинами деревьев, там, где раньше я видела Кара-Даг, теперь высочит спина Змея.

Моего личного Змея. (Хотя... Не дорогой ли ценой куплено это счастье? А впрочем – кто сказал, что такую цену

не стоит платить?)

Небо тоже стало фиоловым. Кудри у Джяура, в свете маленького южного солнца, больше не кажутся русыми; я с трудом могу определить их цвет. Немного синие, немного бурые, совсем чуть-чуть – в тон майской сирени... «О-ой, больше нечем заняться, да? Что ты свое время на такую ерунду тратишь?»

Так хорошо. В кои-то веки!

Мир счастья, мир свободы... Покой. Благодать.

Правда, в этом покое не нашлось места Н'дару.

«Не нашлось?! С чего ты взяла?» – это женщина в куртке. Возникла внезапно, и луг тут же пропал. Я – в пустоте. Белой, тошнотворной пустоте.

«Как же – помню прекрасно: Дракон раздавил его. Он был одним из последних; все стоял, ждал, на что-то еще, видно, надеялся...»

Всё, всё. Хватит, родная. Не мучь себя.

Певца нет. Это главное. Значит, тебе тоже места в новом мире НЕТ.

«Ну и глупо», – вздыхает женщина. А потом поднимает на меня взгляд, и вдруг я вижу в её глазах... Ох, не буду говорить, что.

«Знала я, что ты так решишь. Ладно, Зарема. Будь по-твоему!»

– К-как ты меня назвала?!

Я уже не в белой бездне. Кажется, время повернуло вспять; я возвращаюсь... да, – возвращаюсь во дворец!

Немного первозданной дикости, не скованного ничем Змеинового гнева – вот что не помешало бы современному обществу...

Тьфу.

«Ты же прекрасно понимаешь: это бред. Жуткий бред. Если выпустить Чудище на волю, ты первая оплачешь Рашида. И Саиду – хоть она тебя не любит, а только терпит. И Ма-

ру, причинившую тебе так много плохого. Ты, Зарина, существо слабое и кроткое. Плакаться больше тебе пристало, чем злорадствовать из-за чужих смертей».

Зарема, в которую верит Эблис, не подумала бы об этом. Я же – думаю; всем сердцем хо...

Аа-й!..

Лишь сейчас я заметила, что лукавый продолжает говорить. Видно, слишком была погружена в свои мысли, раз не откликнулась вовремя. Посмотрела на него: «а тощий-то, тощий!..» Руки как палки, ноги в синяках. «М-да. Хоть бы из жалости – надо его выслушать».

– Зара! – воскликнул он. – Ты должна сама выбирать. Я тебе, скажем так, не навязывал ничего; любое твоё решение для меня – ценно и важно.

(«Ага-ага», – подумала я. – «Слыхали; знаем»). Скорчила недовольную гримаску. Эблис-Противоречащий сразу погрузился. Я ещё успела подумать, что печальное выражение лица ему очень подходит. Враг рода человеческого как раз и должен – после таких трудных, мучительных диспутов – оставаться ни с чем; это велит сама его природа. «Ударенный

Богом», ну что ещё сказать!

– Ладно, – он понял по моей кислой роже, что тратит время зря, – коли не хочешь будить Змея – так я тебя прощаю. Обижаться не стану: просто, значит, не за ту уцепился. Но вскоре будут другие; уж они-то согласятся...

– «Вскоре», нечистый, это всё равно не сейчас. Посмотрим ещё, кто победит – наши или ваши.

Он промолчал (как обычно). Расправил крылья, поднялся в воздух... и исчез. Потонул в медно-красном сиянии заката.

«О-ой, ну вот и хорошо. Не очень-то хотелось с тобой разговаривать».

...Я снова бежала по холодным подвалам дворца. Только теперь уже – в другую сторону.

Шаг за шагом, я ухожу всё глубже во чрево Чудища.

Вернусь ли назад, хотя бы к старой Саиде – пока не знаю.

В главной зале дворца, у фонтана, именуемого «Фонтаном слёз», стоял высокий волосатый мужчина в одеждах из шкуры волка, играя на костяном инструменте вроде арфы. Хан возлежал на ковре; уж прошло несколько лет со смерти его любимой Мары. В ночь, когда княгиня умерла, было покончено и с ревнивой южанкой. Для того чтобы другие насельницы гарема затвердили жестокий урок, Рашид приказал воздвигнуть этот фонтан.

– ...тогда безмолвно пред тобою

Зарину я воображал

Средь пышных, опустелых зал... – декламировал Н'дар.

«Что ж», – думал хан, – «от Зарины, как ни крути, хоть песня осталась. И то утешение немалое!»

Он слушал, не прерывая певца, и (как отметила старая Саида) на лице его даже возникло подобие интереса. Всё-таки он больше не был скотиной. Во всяком случае – не полностью.